

«Снова все испорчено. Ведь как должно бы быть: сначала у тебя появляется тайна, а потом ты преподносишь всем сюрприз. Но если живешь в семье, ничего не получается — ни тайны, ни сюрприза. Все всё знают с самого начала, так что никогда ничего веселого не получится».

*Тове Янссон,
«Повесть о последнем в мире драконе»*

— Вы кто?!

Он мялся на пороге, не решаясь войти.

— А... вас не предупреждали обо мне?

Ответом на этот вопрос явилось возмущенное фырканье — должно быть, не предупреждали!..

Он ждал, скулы у него покраснели, и от неловкости вдруг стало очень жарко, а она не торопилась. Сложила бумаги, выровняла по краям и без того идеальную стопку, сцепила руки в замок — кисти крупные, ногти короткие без лака, — погрузила подбородок в волны шейного платка, завязанного почти по-пионерски, и уставилась на него поверх очков.

Он ждал в дверях — терпеливо.

— И что вам нужно?

Он улыбнулся, чувствуя собственное собачье заискивание. Он то и дело заискивал, особенно в последнее время.

— Моя фамилия...

— Дверь.

— Простите?..

— Закройте дверь.

Он помолчал секунду.

Как плохо все начинается!.. Как отвратительно все начинается. Хуже не придумаешь. Ему просто необходимо стать здесь... своим, и ничего не получается!..

Впрочем, у него вообще ничего не получается. Особенно в последнее время.

— Я могу зайти потом...

— Не нужно потом! — рыкнула хозяйка кабинета. — Вы уже зашли сейчас! Закройте дверь. Пройдите. Сядьте.

Вот на кого она похожа — на ефрейторшу из черно-белого фильма про войну! Ему всегда нравилось придумывать сравнения.

Он проделал все, как было велено: закрыл, прошел, сел, и очень неудачно! Оказалось, что кресло глубокое, вязкое, низкое, и теперь взгляд его упирался как раз в узел ее пионерского галстука. Чтоб добраться до лица, приходилось смотреть вверх.

— Вы кто? Автор? Если так, то вам на второй этаж, я авторов не принимаю.

Он вдруг развеселился — настолько, насколько позволяло его теперешнее положение.

— Почему... автор?

— У вас недокормленный вид, как у всех писателей. Или вы с бумагами от Канторовича?

— Моя фамилия Шан-Гирей. — Он облизнул губы, которые все время сохли. — И я новый сотрудник издательства.

Конечно, она ничего не услышала, кроме странной фамилии!..

— Ка-ак?!

— Шан-Гирей, — повторил он. — Пишется через черточку, то есть через тире. То есть через дефис. У Лермонтова, если помните, были родственники по линии бабушки как раз Шан-Гирейи...

— Да при чем тут дефис и родственники Лермонтова?! — Она сдернула очки. — Вы кто?!

— Я новый заместитель генерального директора. — Ей-богу, он чувствовал себя виноватым, как будто признавался в чем-то постыдном! — Я шел мимо, а у вас дверь была открыта, и я решил...

Очки шлепнулись на пол с дребезжащим звуком. Он кинулся их поднимать, но, пока доставал себя из кресла, она уже вынырнула из-под стола, зажав

очки в руке, дико на него взглянула и схватилась за телефон.

Ну да, конечно. Следует немедленно все проверить. Какой, к черту, из него заместитель генерального! Того и гляди, милицию придется вызывать, а то и санитаров.

— Настя, соедините меня! Нет, прямо сейчас. — Она послушала немного. — Хорошо, я подожду. А вы сядьте, сядьте!..

Решив, что в кресло ни за что не вернется, он огляделся, обнаружил три стула, стоящих вдоль стены, сел на средний, справа пристроил сумку, а слева куртку. Потом решил, что таким образом занимает слишком много места, и пристроил куртку на сумку. Потом еще немного подумал и взвалил весь ком себе на колени.

Хозяйка кабинета следила за его возней, не отнимая трубки от уха, — очень неодобрительно, немного даже с подозрением.

Видимо, на том конце линии что-то произошло, потому что выражение у нее моментально стало притворно-ласковым, нежным, как будто абонент из трубки мог воочию наблюдать «ряд волшебных изменений чудного лица».

— Анна Иосифовна, это я. Простите, что беспокою, но ко мне пришел человек, который утверждает, будто он ваш новый заместитель, а я ничего об этом не зна...

В трубке заворковало, довольно громко.

Слов он не мог разобрать, конечно, но понятно было, что говорят убедительно, даже настойчиво, и чем дальше, тем больше эта настойчивость повергает ефрейторшу в растерянность.

Растерянная ефрейторша — своеобразное зрелище.

— Хорошо, — сказала она так, как по уставу положено говорить «есть!»: ясно, громко, четко. — Поняла. Да. Сделаю все, что смогу.

Задумчиво постучала себя по ладони смолкшей трубкой, выбралась из-за стола, подошла к окну и уставилась на улицу.

Он ждал.

Ефрейторша спохватилась, подтянула узел шейного платка, смахивавшего на пионерский галстук, выдохнула, как будто хлопнув стопку, и повернулась к нему.

— Итак, здравствуйте! — Это было сказано до странности бодряческим тоном и так фальшиво, что ему вновь стало неловко. — Меня зовут Митрофанова Екатерина Петровна, будем знакомы.

Издали протянув руку, она двинулась на него, он вскочил, куртка полетела на пол, сверху плюхнулась сумка, из которой лениво, как будто неохотно, вывалились растрепанная записная книжка, какие-то разномастные карандаши, наушники и журнал с красивой девушкой на обложке.

Вместо того чтобы пожать протянутую руку, он начал бестолково собирать свое барахло и совать его обратно в сумку, а когда выпрямился, пожимать было нечего.

Она стояла словно по команде «вольно» и смотрела на него, похоже, с отвращением.

— Меня только что назначили, — сказал он, пытаясь оправдаться немного. — Анна Иосифовна, должно быть, просто не успела поставить вас в известность...

— Ну да, — согласилась Екатерина Петровна бесстрастно. — Ну да.

Полоумная старуха окончательно лишилась разума, вот что она хотела сказать на самом деле, и он отлично понимал это. Назначить *такого* заместителем — кем же надо быть?!

Ему не хотелось оправдываться, в последнее время он устал оправдываться, но то и дело приходилось!..

— Наверное, будет официальное представление, то есть даже обязательно, но я решил заранее...

— Насколько я понимаю, — перебила его Екатерина Митрофанова, — вы пришли на место Веселовского, то есть именно вы будете заниматься работой с авторами...

И тут она не справилась. Тяжело опустилась на свой трон и взялась рукой за лоб.

— Господи-и-и, — протянула по-бабьи, — да что ж это такое? Как вас хоть зовут-то?..

— Алекс, — бухнул он по привычке, но тут же поправился: — Александр.

— Прэлэстно, — оценила Екатерина Петровна тоном Фаины Раневской, — еще и Алекс! Алекс Юстасу. Господи-и-и...

— Вы не переживайте так, — сказал он негромко. — На самом деле я нормальный.

И зря сказал!.. Впрочем, он часто говорил невпопад, особенно в последнее время!.. Она отняла руку ото лба, взглянула, и от ненависти и отвращения у нее затряслись губы.

— Анна Иосифовна, разумеется, вольна принимать любые решения! И обсуждать их с вами я не намерена! — Она помолчала немного, пытаясь справиться с собой. — Итак, у вас ко мне какой-то конкретный вопрос, Александр... как вас по отчеству?..

— Павлович. — Никто и никогда не называл его по отчеству в той, давней, жизни, которая была у него когда-то. В новой, по всей видимости, придется привыкать. — У меня нет никаких вопросов, Екатерина Петровна. Я просто хотел познакомиться.

— Значит, будем все решать в рабочем порядке, Александр Павлович, — подытожила Екатерина Петровна. — Или помощь вам не нужна и вы все понимаете в работе с авторами и в издательском деле, как таковом?..

Эта казенная формулировка — как таковая — почему-то окончательно убедила его в нелепости всей затеи. Ему никогда не стать здесь своим, и ни-

чего он не сможет с этим поделаться, и ничего у него опять не выйдет, это уж точно!..

Слишком часто он думал, что ничего не выйдет, — особенно в последнее время!..

Прижимая к груди куртку, а к боку нелепо разъявленную сумку, он попятился к выходу, отчего-то не решаясь повернуться к хозяйке кабинета спиной, словно она являла собой Стену Плача, как вдруг дверь распахнулась, едва не поддав его по заднице, и на пороге показалась перепуганная тетка. В каждой руке у нее было зажато по мобильному телефону.

Она почти споткнулась об Алекса, но не обратила на него никакого внимания. Он посторонился, пропуская ее.

— Катя, — выпалила тетка, и глаза у нее внезапно налились слезами, — ты только не пугайся, но у нас... прямо здесь, в коридоре... Тебе, наверное, самой надо посмотреть...

— Что?! Что такое?!

— Человека убили, — зловещим шепотом договорила та и оглянулась по сторонам.

«Вот все и началось», — успел подумать Алекс.

Человек лежал ничком в комнатенке, заставленной железными шкафами. Дверцы шкафов были открыты, и внутри виднелись собранные в пуки пыльные провода, тумблеры и какие-то кнопки.

Люди в коридоре негромко переговаривались, но входить не решались и расступились как по команде, когда, громко топая, примчалась задыхающаяся Екатерина Петровна со свитой — начальником отдела женской прозы Надеждой Кузьминичной и неизвестным странным типом. Тип, завидевши труп, быстро ретировался в боковой коридор. Там он почему-то сел на пол, достал мобильный и нажал кнопку. Рука у него тряслась.

Стрешнев все время видел его боковым зрением.

А этот откуда взялся?

Митрофанова пятилась от лежащего тела, отводи-
ла глаза и с трудом сглатывала.

— Кто это?!

— Да неизвестно кто, Екатерина Петровна...

— Как неизвестно, когда он в этом... как его... ну,
в форме! Где Сергей Ильич?

У Екатерины, оказывается, нервишки тоже нали-
чествуют, потому что голос она возвысила почти до
визга и очки на носу перекошились, сделав ее смеш-
ной и жалкой.

— Где начальник хозяйственной службы, я спра-
шиваю?! Позовите его кто-нибудь немедленно!

— Да его с утра не было, Екатерина Петровна. Он,
кажется, на склад в Видное уехал и сегодня быть не
собирался.

— Ну, тогда кого-нибудь, кто может знать этого...
покойного! Найти быстро!..

«Напрасно она вопит, — подумал Стрешнев, — ох
напрасно!.. Нельзя так расходиться на глазах у лю-
дей. И без того происшествие... неприятное. Траги-
ческое, можно сказать».

Народ все прибывал, запах беды и сенсации вол-
нами расходился по издательству. Повсюду хлопа-
ли двери, и коридор потихоньку начинал гудеть, за-
полняясь голосами, как растревоженный среди зимы
омшаник.

— А крови-то... — бормотала Надежда Кузьминич-
на. — Катя, там столько крови...

— Прекратить! Закройте дверь немедленно!

— Как же ее закроешь, если там у него... ноги!..

Труп действительно лежал так, что закрыть дверь
было никак невозможно.

— А милиция? Вызывать?..

— Господи, да кто же его так?..

— Из спины торчит, видишь?..

— А это наш рабочий, что ли?..

Надежда Кузьминична протолкалась через гомонящую толпу, зажимая рот рукой, и кинулась в сторону туалета.

Неизвестно как здесь оказавшийся трясущийся тип что-то быстро говорил в мобильный телефон, и Стрешнев, который беспокоился все больше, решил подойти к нему.

— Вы кто?

Тип поднял светлые, совершенно больные глаза, мотнул головой и сказал в трубку:

— Все, я уже не могу разговаривать. Давай. Думай быстрее. Пока.

— Вы кто?!

Тот поднялся, придерживаясь рукой за стену. Какие-то вещи остались лежать на полу — кучей.

— Если вы журналист... — возвысил голос Стрешнев.

— Я не журналист, — выговорил тип неохотно. — Я новый сотрудник издательства. — Тут Стрешнев вытаращил глаза. — Моя фамилия Шан-Гирей, и навести обо мне справки вы можете у Анны Иосифовны.

Стрешнев не поверил ни единому его слову.

— А кому вы кинулись звонить так поспешно?

Новый сотрудник вытащил из кучи на полу объемистую сумку и зачем-то воздвиг ее на плечо.

— Я звонил своей девушке, — глядя Стрешневу в лоб, выговорил он. — Назначал свидание. Этого достаточно или вы еще что-то хотите узнать?..

— Саша! Саша, подойди сюда быстрее!

Стрешнев дернул шейю — отступать ему не хотелось. И запах беды, разлитый в коридоре, взвинчивал нервы, как будто с каждым вздохом струна все туже натягивалась на колок.

— Саша!!! Где Стрешнев?!

Зная, что Екатерина теперь ни за что не уймется, так и будет голосить, Стрешнев еще раз смерил бледного субъекта взглядом, чтобы у того не оставалось

никаких сомнений в том, что поединок не окончен, и ввинтился в уплотнившуюся и разросшуюся толпу.

— Катя, я здесь. — И он понизил голос: — Что ты кричишь?..

— Нужно послать кого-то наверх, чтобы Анна Иосифовна сюда не подходила! Вообще что-то надо делать! Я не знаю, «Скорую», что ли, вызвать или милицию!

— И «Скорую», и милицию.

— Может, имеет смысл сначала Павлу позвонить?..

И они посмотрели друг другу в глаза.

Да. Такой шаг требовал серьезных обсуждений, а времени у них не было совсем.

— В любом случае придется звонить ментам! Даже если Павел...

— А что Павел, когда у нас тут... убийство?!

— Вот именно, — сказал Стрешнев значительно. — Вот именно.

Митрофанова перевела взгляд на толпу у него за плечом и вдруг заговорила громко и отчетливо, как на плацу перед строем:

— Значит, так. Никаких мобильных телефонов. Все убрать немедленно. Если кто-то вякнет хоть что-то в Интернете, найду и уволю по статье. Вы все прекрасно знаете, что так и будет!

Глазами она зацепилась за кого-то в толпе и спросила, еще прибавив голосу:

— Так, Олечка?!

— Так, Екатерина Петровна, — проблеяла Олечка из отдела русской прозы. Всем в издательстве было хорошо известно, что эта самая Олечка — «крутой блогер» и однажды ее блог прочитали целых сто человек. Это было событием.

— И я советую всем вернуться на свои рабочие места!

«А вот это опять напрасно, — подумал Стрешнев. — Все равно никто не вернется, а давать ука-